

5.7.7. – Социальная и политическая философия (философские науки)

Research article

Научная статья

УДК 130.2

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2024.3.37-42>

Историческая репрезентация и проблема политики памяти

Гизатова Г.К., Иванова О.Г.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская, д.18 корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Историческая репрезентация – это процесс, посредством которого прошлые события отбираются, интерпретируются и представляются в настоящем. Этот процесс не является нейтральным или объективным, а скорее определяется целым комплексом не только социально-культурных, но и, преимущественно, политических факторов. Историческая репрезентация стала важнейшим элементом политики памяти, используемой для конструирования национальной идентичности, равно как и для формирования идеологием, служащих легитимации властных структур. Однако это приводит к проблемам, связанным с «контролем» над историей, спорами о том, что следует помнить, а что следует забыть, и использовании истории для искажения прошлого. Статья посвящена анализу проблемы взаимосвязи исторической репрезентации и политики памяти. Понимание проблемы исторической репрезентации имеет решающее значение для формирования более справедливого общества, где прошлое используется для извлечения уроков и движения вперед.

Ключевые слова: историческая репрезентация, историческая память, политика памяти

Для цитирования: Гизатова Г.К., Иванова О.Г. Историческая репрезентация и проблема политики памяти. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2024;(3(66)):37–42.

Memory politics

Gizatova G.K., Ivanova O.G.

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

Abstract. Historical representation is the process by which past events are selected, interpreted, and presented in the present. This process is not neutral or objective, but rather depends on cultural, political and social factors. In many societies, historical representation has become a central aspect of the politics of memory, where governments and other power institutions use the past to shape collective identities and legitimize their actions. However, this leads to problems related to "control" of history, debates about what should be remembered and what should be forgotten, and the use of history to distort the past. The article is devoted to the analysis of the problem of the relationship between historical representation and the politics of memory. Understanding the issue of historical

representation is critical to creating a more equitable society where the past is used to learn lessons and move forward.

Keywords: historical representation, historical memory, politics of memory

For citation: Gizatova G.K., Ivanova O.G. Memory politics. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2024;3(66):37–42. (In Russ.)

Введение

Термин «политика памяти» в последнее время становится одним из важнейших инструментов при анализе целого пласта явлений не только политической сферы, но и духовной жизни общества в целом. В качестве важнейших причин этого явления можно назвать наполненность XX–XXI веков острейшими трагическими событиями, нашедшими отражение в самых разных, порой противоречивых, оценках; при этом острая постановка тех или иных проблем удивительным образом может сменяться периодами их забвения, и, нередко, замалчивания. Неудивительно, что эти события оказали влияние на социальные науки, на изменение их методологических подходов, в частности, необходимости осмысления и изучения таких явлений как интерпретация, объяснение, понимание. Герменевтический поворот в социальных науках в XX веке – одно из свидетельств этого.

В конце XX века оформляется такая область социального исследования как «Memory Studies», помещающая в центр своих исследований проблемы национальной идентификации, исторической памяти, исторической науки и исторического сознания в целом. И, вероятно, достаточно закономерно то, что многие исследователи проблемы политики памяти подчеркивают тот факт, что историческая репрезентация, являясь важнейшим фактором формирования национальной самоидентификации, не могла не оказать достаточно серьезного влияния на развитие социальных наук в XX и XXI веке, и это всецело относится не только к таким наукам, как история и историогра-

фия, но и философия, культурология, политология и другим. Неслучайно и то, что проблемы политики памяти, исторической памяти, исторической репрезентации привлекают все большее внимание социальных теоретиков самых разных областей гуманитарного знания.

Методы

В феномене политики памяти отражается существование множественных и часто противоречивых коллективных воспоминаний об одном и том же историческом событии или периоде. Социокультурные методы анализа этого феномена, на наш взгляд, предоставляют ценные инструменты для его изучения. Дискурсивный метод позволили выявить то, как память формируется и выражается в различных текстах, СМИ и общественных дискуссиях. В данной статье в рамках теории социальной памяти феномен политики памяти рассматривается как социально сконструированный и зависящий от социальных групп и институтов. Отдельные аспекты проблемы рассматриваются в рамках теории культурной травмы: исследуются, как травматические события прошлого могут влиять на коллективную память.

Результаты и обсуждения

Проблемы политики памяти наиболее активно разрабатываются в рамках политологического, социологического подходов, по нашему мнению, исследование этого понятия в русле культурфилософского (социокультурного) подхода позволяет создать более объемный образ этого феномена,

более полно раскрыть эвристический потенциал этого понятия. В рамках направления, получившего название «новая культурная история», при анализе прошлого и настоящего истории все большее внимание уделяют их культурному измерению. В то же время, как отмечает Т.Иглтон, начиная с Нового Времени, культура становится особым видом идеологического оружия. Заметную роль в культурной истории играет такая ее разновидность, как история памяти.

Понятие «историческая память» тесно связана с понятием «культура памяти», разработка которого принадлежит преимущественно немецким ученым (например, Г. Люббе, Д. Брокмейеру, А. Ассман, А. Эрлу). Надо отметить, что это понятие не имеет четкой дефиниции, но наиболее часто им обозначается существующая в данном обществе система сохранения и трансляции коллективного опыта прошлого в контексте настоящего, и целью этой системы является влияние на настоящее, конструирование его. Культура памяти неповторима, она имеет свои особенности у каждого народа в каждую историческую эпоху.

В последние годы исследователи отмечают процесс столкновения западноевропейской космополитической и националистической культуры памяти, которая присуща посткоммунистическим восточноевропейским государствам. По мнению А.И.Миллера, доминировавшая в ЕС культура памяти основывалась на положении, что с усилением интеграции ЕС будет выработан и общий подход к изучению и оценке неоднозначных, вызывающих очень противоречивую реакцию со стороны членов ЕС исторических событий. И страны ЕС в значительной степени успешно решили эту проблему, исходя из признания холокоста как главного преступления в истории Европы XX века и своей ответственности за это преступление [СМ.: 1].

Культура памяти стран Восточной Европы во многом является националистической, а не космополитической, она основана на переживании страданий своей нации под «иглом коммунистического режима, насажденного СССР» и угрозе существованию со стороны «варварской» России. В последние десятилетия парадигмы этих культур памяти вступили во взаимодействие, и верх одержала восточноевропейская модель.

В современной отечественной социогуманитарной науке отсутствует единый подход к определению понятия «политика памяти». Так, А.И.Миллер дает широкую трактовку этого понятия и определяет его как «всю сферу публичных стратегий в отношении прошлого» [2]. А.А. Линченко, Д.А. Аникин и А.Л. Якубин подчеркивают политическую составляющую данного явления. По мнению А.А. Линченко и Д.А.Аникина, политика памяти представляет собой «целенаправленную деятельность по репрезентации определенного образа прошлого, востребованного в современном **политическом контексте** (выделено нами)» [3]. А.Л.Якубин также интерпретирует это понятие как совокупность «целенаправленных **политических** (выделено нами) публичных действий, с помощью которых события прошлого запоминаются, репрезентируются или забываются» [4]. По мнению автора, «этот термин помогает нам понять разницу между тем, что произошло на самом деле (об этом мы никогда не будем знать наверняка), и тем, как формируется память об этом событии при участии многих заинтересованных лиц» [5]. На наш взгляд, политику памяти правомерно рассматривать как определенный механизм, совокупность методов реализации культуры памяти.

Безусловно, главным субъектом политики памяти является государство, которое обладает значительными разнообразными ресурсами для формиро-

вания определенного образа прошлого и его внедрения в массовое сознание. Важную роль в этом процессе играют и другие политические институты, масс-медиа (значение интернета, социальных сетей в социокультурном и политическом пространстве заслуживают самого глубокого анализа), но нельзя недооценивать и значение культурно-просветительных, образовательных институтов, семьи.

Категориальный ряд «культура памяти» – «политика памяти» правомерно дополнить понятием «историческая политика». На наш взгляд, понятия «политика памяти» и «историческая политика» различаются по двум основным параметрам: по субъекту и по направленности целей.

Если субъектом политики памяти выступают как политические, прежде всего, государственные, структуры, так и неполитические институты, то главным активным субъектом исторической политики являются властные элиты, преследующие свои политические цели. И если целью политики памяти является конструирование и репрезентация образов прошлого под определенным, обусловленным социокультурной и политической ситуацией, углом зрения, то историческая политика направлена на использование прошлого именно в сфере **политического**.

Термин «историческая политика» получает широкое распространение в Польше в начале двухтысячных, а затем был активно воспринят в странах Восточной Европы. Целью «исторической политики» является пересмотр, а часто и фальсификация, исторических событий (прежде всего, периода Второй мировой войны), создание образа «жертвы» советской оккупации, коммунистического режима. На основании этого выдвигаются требования компенсации, возмещения материального и морального ущерба. Польша, как известно, запросила у Германии \$1,3 трлн за ущерб во время Второй

мировой войны, а на следующем этапе потребует компенсации и у России.

Выводы

В историческом и шире – социогуманитарном познании проблема политики памяти неразрывно связана с феноменом исторической репрезентации. Ключевым моментом этой взаимосвязи стала, теперь уже общепризнанная, трактовка истории в качестве социального конструкта. С позиции такого ракурса неизбежно возникает вопрос о тенденциозности историка и, следовательно, его национальных, моральных, гуманистических предпочтениях. Как писал П. Рикер: «Идея о политике справедливой памяти является в этом отношении одной из главных тем, изучение которых я считаю своим гражданским долгом» [6, с.15]. Большинство социальных теоретиков акцентируют важнейшую роль идеологии в процессе создания исторических исследований. Так, Х.Уайт, американский историк, которого считают одним из основоположников «лингвистического поворота» в исторической науке, отмечает, что любые конфликтующие теории, освещающие историческое развитие, всегда имеют под собой идеологическое основание, и это не может не оказывать серьезного влияния на развитие исторического знания [См.: 7, с.46].

Эту позицию разделяет и Р.Барт, заявляя, что «...исторический дискурс по своей структуре ... представляет собой прежде всего идеологическую, точнее воображаемую конструкцию... Отсюда понятно, почему понятие исторического “факта” нередко, у разных мыслителей, вызывало к себе недоверие» [8, с. 437].

Заключение

Таким образом, категории «культура памяти» – «политика памяти» – «историческая политика», на наш

взгляд, способствуют исследованию и объяснению не только прошлого, но и современной социокультурной действительности, ее сложных, прежде всего, идеологических проблем и противоречий.

Изучение политики памяти с помощью социокультурных методов позволяет исследовать сложную динамику этого феномена, выявлять возможные последствия его репрезентации и потенциал для формирования настоящего и будущего.

Список литературы / References

1. Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // [http://politeia.ru/files/articles/rus/Miller_Politeia-2016-1\(80\).pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Miller_Politeia-2016-1(80).pdf)

Miller A.I. The politics of memory in post-communist Europe and its impact on the European culture of memory // [http://politeia.ru/files/articles/rus/Miller_Politeia-2016-1\(80\).pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Miller_Politeia-2016-1(80).pdf) (In Russ.)

2. Там же

Op.cit.

3. Линченко А.А., Аникин Д.А. Политика памяти как предмет философской рефлексии // <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-pamyati-kak-predmet-filosofskoy-refleksii>

Linchenko A.A., Anikin D. A. Memory policy as a subject of philosophical reflection // <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-pamyati-kak-predmet-filosofskoy-refleksii> (in Russ.)

4. Якубин А.Л. Политики памяти в объединенной Европе: общность, партикулярность, ассамбляж. // <https://cyberleninka.ru/article/n/politiki-pamyati-v-obedinennoy-evrope-obschnost-partikulyarnost-assamblyazh>

Yakubin A.L. Memory policy in united Europe: community, particularity,

assemblage. // <https://cyberleninka.ru/article/n/politiki-pamyati-v-obedinennoy-evrope-obschnost-partikulyarnost-assamblyazh> (In Russ.)

5. Там же.

Op.cit.

6. Рикёр П. Память, история, забвение / Пер. с франц. — М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004 (Французская философия XX века). — 728 с.

Ricoeur P. Memory, history, oblivion / Transl. from French — М.: Publishing House of Humanitarian Literature, 2004 (French philosophy of the 20th century). — 728 p. (In Russ.)

7. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета. 2002. 528 с.

White H. Metahistory: Historical Imagination in 19th Century Europe. — Ekaterinburg: Ural University Publishing House. 2002. 528 p. (In Russ.)

8. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. — М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. 512 с.

Bart R. The fashion system. Articles on semiotics of culture. — М.: Publishing house named after. Sabashnikov, 2003. 512 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Гизатова Гульназ Казбековна, канд. филос.наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра социальной философии. Author ID 56242662100; ORCID ID: 0000-0002-7997-2034.

E-mail: Gulnaz.Gizatova@kpfu.ru

Иванова Ольга Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра связей с общественностью и прикладной политологии. Author ID 56242466400, ORCID : 0000-0002-5378-1109.

E-mail: olga.ivanova.ksu@mail.ru

Information about authors

Gizatova Gulnaz Kazbekovna, PhD, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of Social Philosophy. Author ID56242662100; ORCID: 0000-0002-7997-2034.

E-mail: Gulnaz.Gizatova@kpfu.ru

Ivanova Olga Gennadievna, Assistant professor, Kazan (Volga Region) Federal University, PhD in Philosophy, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of Public Relations and Applied Political Science; Author ID: 56242466400, ORCID: 0000-0002-5378-1109.

E-mail: olga.ivanova.ksu@mail.ru

Поступила в редакцию 27.06.2024; принята к публикации 23.08.2024.

Received 27.06.2024; Accepted 23.08.2024.